

самопознания и самооценки, саморефлексии, саморазвития, самоутверждения как механизмов творческой самореализации.

Становится очевидным, что педагогическая культура является сферой творческого приложения и реализации педагогических способностей личности. В педагогических ценностях и технологиях личность опредмечивает свои индивидуальные силы и опосредует процесс присвоения нравственных, эстетических, правовых и других отношений, т.е. воздействуя на других, творит себя, определяет своё собственное развитие, реализуя себя в деятельности. Все это позволяет сделать вывод о том, что педагогическая культура преподавателя — это мера и способ творческой самореализации его личности в разнообразных видах профессиональной деятельности, направленной на освоение, передачу и создание педагогических ценностей и технологий.

ВО ВЛАСТИ ЯЗЫКА: СТЕРЕОТИПЫ И ВЕРБАЛЬНЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Полонский А.В.

Белгородский государственный университет

Иные вещи на ином языке не думаются.

Марина Цветаева

Язык – «интеллектуальная тюрьма». К такой неожиданной метафоре прибегает в своей работе «Логика и рост научного знания» английский философ Карл Поппер при изложении теории лингвокультурологической относительности, согласно которой мышление человека и познание лингвистически детерминированы. Человек заточен в стенах, «возведенных структурными правилами» родного языка. Однако это заточение, как подчеркивает К. Поппер, весьма странное, поскольку человек обычно его не осознает. Осознание же приходит к нему лишь при «столкновении» культур¹. Иначе говоря, только «столкновение» культур или их диалог приводит человека к осознанию того, что язык открывает лишь то, на что проливается его свет, питаемый энергией этнокультуры, обратная же сторона объекта остается для обыденного сознания закрытой, «в

¹ Поппер К. Логика и рост научного знания. – М., 1983. С. 581.

тени», а поэтому она не гипостазуруется и не получает своего осмысления.

Язык – это уникальный когнитивный феномен, который концептуализирует окружающий мир, переводя его в языковую – лексическую и грамматическую – семантику и создавая таким образом свою картину мира, во многом недоступную другому языковому сознанию. «Иные вещи, – как говорила Марина Цветаева, – на ином языке не думаются». Базовыми единицами языковой картины мира являются стереотипы (греч. *stereos* «твердый» и *typos* «отпечаток») – устойчивые культурно маркированные представления и образы реальной действительности, формирующиеся в результате обобщения всего предшествующего опыта и множества его интерпретаций субъектом познания, в качестве которого выступает как этноязыковой коллектив в целом, так и отдельная личность².

Предлагая свои стереотипы, подчеркивающие существенные с точки зрения данной культуры признаки, язык настойчиво направляет мысль человека по уже «проторенным путям». «Наши идеи», как говорил испанский философ и публицист Хосе Ортега-и-Гассет, это «как бы смотровая площадка, с которой мы обозреваем весь мир... Мы видим с помощью идей о вещах, хотя в естественном процессе мыслительной деятельности не отдаем себе в этом отчета, точно так же, как глаз в процессе видения не видит самого себя. Иначе говоря, мыслить – значит стремиться охватить реальность посредством идей; стихийное движение мысли идет от понятий к внешнему миру»³. Не случайно среди ключевых функций стереотипа лингвисты называют функцию формирования и хранения групповой идеологии⁴.

При этом знания и оценки, составляющие основу стереотипа и коагулированные в формах языка, не всегда логически осмыслены, или, как справедливо отмечает А.М. Кузнецов, «далеки от логической стерильности, они включают в себя, кроме

² См. также: Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996; Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 176 – 190.

³ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сборник. – М., 2003. С. 252.

⁴ Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001. С. 109.

продуктов мышления, интуитивные представления, предположения, догадки, убеждения»⁵.

Стереотипы как единицы культуры и языка, складывающиеся в процессе предметной и коммуникативной деятельности человека, динамичны по своей природе, хотя их динамика может быть незаметной в пределах небольшого отрезка времени.

Особенность стереотипа заключается в том, что он оказывает типизированное побуждающее воздействие на человека⁶, проявляющееся в характере протекания процесса познания, развертывания мысли и формирования оценки, таким образом оказывая влияние как на механизмы мышления отдельной личности, так и на общественное сознание. Человек живет среди стереотипов собственного языка и собственной культуры. Переступить же через семантическую границу этого мира этнокультурных идей можно только приложив усилия.

Так, например, в последнее время особенно востребованными общественными организациями и всеми средствами массовой информации стали *терпимость* и *толерантность* как необходимые культурно-психологические условия жизни человека в обществе. *Терпимость* и *толерантность* зачастую интерпретируются как полные синонимы. Однако это не совсем так. Перед нами два разных, лишь отчасти совпадающих лексикализованных стереотипа.

Стереотип *терпимость* включает уважительное и доброе отношение к другому. Таким отношением всегда отличалась русская интеллигенция. Николай Бердяев точно выразил суть терпимости, определив ее как «добродетель свободолюбия и человеколюбия, бережное отношение к человеческим душам, к их жизненному пути, всегда сложному и мучительному». На этой почве и возникают сочетания типа *веротерпимость* как уважительное отношение к чужой вере или *терпимость к этическим принципам и нормам различных культур мира*.

⁵ Кузнецов А.М. Семантика лингвистическая и нелингвистическая, языковая и неязыковая // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. – М., 1992. С. 13.

⁶ Влияние подобного рода может быть как прогрессивным, то есть способствующим процессу познания и коммуникации, так и консервативным, препятствующим движению к истине.

Однако стереотип *терпимость* не ограничивается только этим содержательным компонентом, а включает также смысловые оттенки, связанные с глаголом *терпеть*, значение которого раскрывается через ряд семантически близких лексем: 1) безропотно и стойко *переносить* что-либо неприятное или нежелательное: *терпеть боль* или *страдание*; 2) *мириться* с существованием кого-либо или чего-либо, воспринимаемого как нежелательное: *терпеть невестку* или *терпеть возражения*; 3) *испытывать* что-либо неприятное или тяжелое: *терпеть поражение*⁷. Этим обусловлены многочисленные употребления лексемы *терпимость* с номинациями отрицательно оцениваемых явлений: *терпимость к пошлости*, *терпимость к насилию*, *терпимость к несправедливости*, *терпимость к банальности*, *терпимость к лицам определенной национальности*, *терпимость к отморозкам* и т.д. Таким образом, любой объект, на который распространяется *терпимое отношение*, воспринимается обыденным сознанием как менее достойное, что и создает основу для того, чтобы обратиться к положительному стереотипу, а именно стереотипу *толерантность* как культуре приятия.

Толерантность в европейской культуре осознается как некоторое допустимое отклонение или допустимый предел во всем – во времени в пространстве, в нравах и обычаях, в вере и убеждениях. *Толерантность* направлена, таким образом, не только на другого, но и на себя.

Сущность толерантности полно изложена в «Декларации принципов толерантности», принятой ООН в 1995 году: «Толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Толерантность – это гармония в многообразии... Толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека... Толерантность – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека. Проявление толерантности, которое созвучно уважению

⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1978. – С. 731.

прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки своим убеждений и признает такое же право за другими... Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим».

Культуру толерантности, как приятия другого, иллюстрирует, например, характерный для русской культуры стереотип *непутевый* – характеристика человека, который из всех возможных путей выбрал не самый подходящий. Подобный выбор, с точки зрения русской ментальности, это лишь ошибка, но не преступление, из-за которого человек становится социальным изгоем. Следовательно, *непутевого* можно осуждать, но при этом жалеть его или даже любить, чему множество подтверждений дает русская речевая практика. Приведу лишь строки из стихотворения Александра Межирова «Подкова счастья» (1961 г.):

*Как возвратить лицо твое степенное,
Угрюмых глаз неистовый разлет,
И губы, пересохишие от зноя,
И все, что жизнь обратно не вернет?*

*Так я твержу девчонке непутевой,
Которой все на свете трын-трава,
А сам стою с разогнутой подковой
И слушаю, как падают слова⁸.*

Едва ли возникнут такие же чувства по отношению к человеку, «отклонившему от нормы», «бесполезному» или даже «безнравственному», как представлен *легкомысленный человек* лексемами немецкого языка *ausschweifend*, *nichtsnutzig* и *sittenlos*, в которых присутствует жестко-негативная социальная оценка, демонстрирующая культуру неприятия, то есть интолерантность.

Сформировавшийся в культуре стереотип вызывает у носителей одного и того же этнокультурного сознания однотипные устойчивые ассоциативные реакции на внешние и внутренние стимулы⁹. На основе типа и совокупности возникающих

⁸ Русская советская поэзия / Под ред. Л.П. Кременцова. – Л., 1988.

⁹ См.: Рыжков В.А. Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности // Языковое сознание. – М., 1988. – С. 14;

ассоциаций можно судить о лингвокультурной специфике коллектива, об особенностях его ментальности.

Любопытным в связи с этим является результат ассоциативного эксперимента, проведенного мною в период с 2004 до 2006 года со студентами Белгородского государственного университета, Старооскольского филиала БелГУ и студентами Белгородского университета потребительской кооперации. Среди реакций на такие стимулы, как «Россия», «родина» и «дом», преобладающими в значительной степени оказались абстрактные и родовые понятия: *отчизна, страна, край, патриотизм, республика, защита, гордость, семья, родители, радость* и др., соответственно, видовые или единичные понятия показали значительно меньшую репрезентативность: *мамины блины, любимый котенок, каштаны перед окном, Белгородский проспект*. Все это свидетельствует, на мой взгляд, о нивелировании образа родных мест, утрате его чувственно воспринимаемых символов, а также об ослаблении эмоциональной связи человека с его родными местами.

На этом фоне многочисленные пересечения реакций на стимулы «Россия» и «родина» («Россия» – *страна, держава, родина, государство, великая, гордость, отечество, флаг или триколор, Путин*; «родина» – *Россия, патриотизм, страна, дом, мать, место рождения, гордость, отечество, флаг или триколор, Путин*) говорят о том, что из социальной памяти исчезает чувственно воспринимаемый и переживаемый образ «малой родины», то есть стереотип «малая родина» имеет тенденцию к совмещению со стереотипом «родина» и «Россия».

Кроме того, одни из самых частотных реакций на стимул «дом», с одной стороны, *крепость* и *защита*, а с другой стороны, *гармония* и *мир* – свидетельствуют о восприятии человеком среды вне своего дома как агрессивной, в которой он лишен гармонии и от которой необходимо защищаться, что и обеспечивает, по данным эксперимента, *семья, родители и мама*, также являющиеся наиболее частотными репрезентантами стереотипа «дом».

Особую значимость лексемы-реакции *крепость* и *защита* приобретают на фоне употребления одной из самых востребованных в современном российском публицистическом

дискурсе метафоры – *метафоры войны*. Анализ публицистического дискурса, в котором, как известно, с наибольшей силой проявляются ментальные стереотипы языковой личности, позволяет обнаружить тенденцию к предпочтению поведенческих тактик, связанных не только с противостоянием, но и с явным нарушением культурных и когнитивных границ личности: *зачистка совести, бомбить вопросами, завоевать чье-либо расположение, женщины под прицелом мужских глаз, «Арсенал» в очередной игре обидел «Ювентус»* и др.

В народных сказках русский богатырь, как правило, оказывается перед выбором жизненного пути: *«Налево пойдешь – коня потеряешь. Направо пойдешь – голову сложишь. Прямо пойдешь – и коня потеряешь, и голову сложишь»*. Язык современных российских масс-медиа безошибочно указывает на исторический выбор богатыря – вперед, поскольку движение в любом другом направлении не отвечает программе, заданной стереотипом «война». Военная риторика активно подталкивает носителя языкового сознания к очередному завоеванию: *волк завоевывает волчицу, студенты отвоевывают свои права*.

Стереотип «война» выстраивает наше восприятие общества по аналогии с полем битвы, на котором действуют оппозиционные, если не сказать враждующие армии, например: *армия пенсионеров* противостоит *армии чиновников*; *Дума торпедирует все начинания исполнительной власти*. Могут ли две армии прийти к компромиссу? Не отражает ли эта метафора реальное восприятие социального противостояния как состояния войны?

Восприятие жизни как военных действий углубляется ходовыми образами современной публицистики: *арена словесных баталлий, финансовая агрессия, закулисная борьба, арсенал знаний*, которые едва ли предполагают обращение к взвешенным словам, создающим оптимальные условия для созидания.

Социальные проблемы, отмеченные при помощи языка, требуют пристального внимания. «Бравурные военные марши», сопровождающие масс-медийные тексты, заставляют задуматься, насколько семантика *войны* близка современной русской ментальности. Вывод Александра Асмолова, заведующего кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ, абсолютно справедлив: «Сегодня уровень агрессии в обществе зашкаливает, потому что агрессия стала социальной нормой. Нам

нужно найти язык понимания... У нас огромный опыт негативизма, а нам нужна стратегия накопления согласия»¹⁰.

Выйти за пределы навязываемых языком стереотипов, то есть закрепленных в языке обыденных представлений и знаний о фрагментах реальной действительности, объективированных сознанием этнокультурного сообщества, можно только при наличии диалога культур и готовности к этому диалогу.

Именно этот культурологический феномен – столкновения диалога культур – имел в виду Михаил Бахтин, когда утверждал, что все слова для каждого человека делятся на «свои» и «чужие». Чужое заставляет человека философствовать, подталкивая его к новой мысли, поскольку высвечивает новую, до сих пор затемненную сторону предмета. Чужое способствует и осознанию своего. *«Нежный лед руки чужой»*, воспользуясь здесь метафорой Осипа Мандельштама, позволяет почувствовать тепло своей руки. Через постижение чужого человек приходит к постижению своего – самобытного и родного.

Однако не только стереотипы создают условия жизненности метафоры Поппера «язык – тюрьма». Думаю, что в полной мере ее реализует и такое явление как вербальный иллюзионизм, то есть способность языка создавать вербальные иллюзии, которые оказывают непосредственное влияние на формирование когнитивных и коммуникативных тактик человека. В сознании человека, как пишет А.С. Кармин, формируется своего рода «словесный мираж»¹¹, который воспринимается им за реальность, то есть за реальное знание самого объекта человеком принимается знание его названия, знание слова, которым принято называть данный объект. Однако знание слова еще не предполагает знание объекта, это всего лишь иллюзия знания.

Так, А.С. Кармин приводит в качестве примера весьма поучительный рассказ венгерского писателя Ф. Каринти «Сын своего века», в котором речь идет о будапештском журналисте, попавшем из современной Венгрии в Венгерское королевство конца XV столетия. Он хочет с помощью знаний своего века поднять военную мощь королевства. С этой целью он красочно описывает королю технические достижения, которые будут способствовать прогрессу, однако он не может пойти дальше слов, поскольку не знает устройство ни пистолета, ни телефона, ни

¹⁰ «Российская газета». 17 марта 2006 г. // <http://www.rg.ru/2006/03/17/a102194.html>

¹¹ Кармин А.С. Культурология. – СПб., 2004. С. 50.

самолета, о которых пытается говорить. Он принес с собой в прошлое не знания, а только слова, которые и сыграли с ним злую шутку. То, что ему казалась знанием, было на самом деле иллюзией знаний. За что герой как обманщик и был королем наказан¹².

Иллюзорное знание оказывает влияние на поступки и дела человека, направляя его мысли вовсе не к храму. Человек, таким образом, второй раз оказывается замкнутым в «стенах» языка, даже не осознавая своего положения. Вспомним, к примеру, героя известной мольеровской пьесы «Мнимый больной», который на вопрос «Почему опиум усыпляет?» бодро и значительно ответил: «Потому что опиум обладает *virtus dormitiva*», то есть усыпляющей силой. Объяснение тавтологично, оно демонстрирует лишь иллюзию знания и иллюзию мысли.

Значение слова в информационных обществах возрастает пропорционально скорости информационного обмена, что создает дополнительные условия для формирования все новых вербальных иллюзий, которые могут держать в своем плену сознание не одного человека и на протяжении достаточно долгого времени. Так, например, средства массовой коммуникации сегодня активно ведут разговор о *демократии*, однако, как кажется, не о существе *демократии*, провозгласившей верховенство личности человека, его разума и свободы, и не о способах ее достижения, а о том, кого можно назвать демократом и кто владеет монополией на демократию. С одной стороны, озвучивается лозунг: в демократическом обществе все должны быть демократами, но с другой стороны, в демократы возводится лишь тот, кто относится к прошлому, настоящему и будущему так, как того требует сложившаяся обстановка, и принимает существующие идеи как единственно верные и не подлежащие обсуждению.

Вербальный иллюзионизм – явление, характерное сегодня для всех культур, в которых слово является не только средством коммуникации, но «действительностью мысли».

Таким образом, метафора Поппера «язык – интеллектуальная тюрьма» оказывается дважды справедливой, находящей свое подтверждение, с одной стороны, в стереотипах языка и культуры, с другой – в вербальных иллюзиях. Стереотипы и вербальные иллюзии не только обнаруживают то, как человек мыслит и что он чувствует, но и направляют его мысли и чувства.

¹² Кармин А.С. Культурология. – СПб., 2004. С. 52.

Человек подвластен языку, однако и он сам приобретает власть над языком, зарабатывая слово тяжелым трудом, как и хлеб, который предначертано человеку «добывать в поте лица своего». Если хлеб – это символ жизни и материального достатка, то слово – это символ духовности человека.

Язык – это та духовная среда, в которой человек вызревает как личность и которую он возделывает силой своей мысли.

Литература

1. *Кармин А.С.* Культурология. – СПб., 2004
2. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М., 2002.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996.
4. *Кузнецов А.М.* Семантика лингвистическая и нелингвистическая, языковая и неязыковая // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. – М., 1992.
5. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М., 2001.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сборник. – М., 2003.
7. *Поттер К.* Логика и рост научного знания. – М., 1983.
8. *Рыжков В.А.* Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности // Языковое сознание. – М., 1988.
9. *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 2006.

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ

Борисова Л.Н.

Белгородский государственный институт культуры

С тех пор, как в конце шестидесятих годов прошлого века мир заговорил о необходимости овладения иностранным языком как средством общения, проблема обучения иноязычному общению превратилась в глобальную и неиссякаемую.

Насколько сложна сама природа общения, настолько сложны и тернисты пути обучения общению, тем более на